

Мади АЙЫМБЕТОВ
БОПАЙ-ХАНУМ
 Исторический роман

Перевод Даны Жантемировой

Бибатима – Батима
 (вместо пролога)

Ранней весной, когда полностью сошел снег и повсюду побежала талая вода, кочевье рода табынай, одного из двух родов тобышев-адайцев, двинулось вверх по течению реки Елек в сторону реки Жем – на летовку, где обычно они оставались до самых осенних заморозков. От кочевавших отстал лишь аул Сюиндика, который в этом году не спешил перебираться на джайлау. Его старшая жена по всем срокам должна была скоро разрешиться, и Сюиндик, опасаясь, что байбише не выдержит долгой дороги, решил немного повременить с перекочевкой. Отправив вперед многочисленные косяки лошадей и нескольких чабанов с их легкими юртами, он задержал на зимовке около десяти семей сородичей.

Накануне первого апрельского новолуния у Аксырги начались схватки. Сюиндик оставил с женой сноху да помощницу-молодوخу, специально приглашенную из ближнего аула адайцев, сородичей шоная, и вышел из дома. Холодный ветер весеннего утра пробирался под одежду. Где-то высоко в синем небе летели журавли, и их курлыканье, едва-едва достигая ушей, рождало в душе смутную тревогу. Сюиндик застегнул домотканый халат из верблюжьей шерсти до самой верхней застёжки. «Вот уж безвременье весеннее, этот месяц амал... Неужто ж не согреет солнцем?! Э-эх, что-то приближение тепла совсем не чувствуется...» Беспокойные мысли его были прерваны возгласами со стороны дома: «Суюнши! Радость-то какая!»

– Есть в роду теперь красавица, есть кому носить бусы-бусинки! – голос помощницы-молодухи звучал радостно и звонко.

Сердце Сюиндика охватила радость и нежность – у него родилась дочка! – и он коротко помолился: «Альхамдулиллах – хвала Аллаху! О, Всемогущий, дай долгих лет жизни моей малышке! Святая мать Бибатима, оберегай мое дитя и будь ей опорой!»

Проводя обряд имянаречения, Сюиндик сам провозгласил азан и трижды произнес имя на ушко малышки, сопроводив его словами: «Свет мой, доченька, стань, как и любимая дочь пророка нашего Мухаммеда Бибатима, добродетельной хранительницей очага, достойной своего рода, опорой и надеждой родных. Имя твое – Батима, Батима, Батима!» И, казалось, в этот момент имя новорожденной Батимы – Бопай эхом зазвучало под огромным сводом небес...

Глава 1

Ближе к вечеру аул Сюиндика спустился с белого каменистого плато, которое тянулось к бескрайним пастбищам, раскинувшимся во всю ширь с юга на север, и остановился у подножия небольшой горы на равнине к западу от Устюрта. Верблюдов опустили на колени...

Батима, уставшая за неделю от скучной дороги, обогнала кочевку на порядочное расстояние. Её молодого темно-гнедого со звездочкой на лбу жеребца приручали с прошлой осени и объезжали в самом начале лета, но он еще взбрыкивал иногда и был слишком уж резвым, потому Мырзатай под предлогом обучения коня всё это время не отставал от сестренки ни на шаг, однако перед самой стоянкой остался позади.

Не сдерживаемый поводьями жеребец-двухлетка, ощутив под копытами гладкую твердь огромной травянистой равнины, пустился вскачь. Встречный ветер свистел в ушах и обдувал юное лицо Батимы, мчавшейся по необъятной степи, которая волнами перекатывалась по обе стороны от неё, стремительно уходя назад. Какое-то пылкое, будоражащее чувство охватило девушку, подгоняемую горячностью юности. Она мчалась без остановки, словно хотела избавиться от неясной тревоги, теснившей в глубине её души вот уже несколько дней. И эта безграничная равнина распростерла перед ней свои объятия.

Только когда диск солнца начал багроветь, а вечерняя тишина стала накрывать степь невидимыми крыльями, Батима натянула поводья. Лишь теперь она поняла, что отдалилась от аула, остановившегося возле холма, на расстояние примерно в половину перегона ягнят. Она резко развернула жеребца, с хрустом закусившего удила, фыркающего и раздувающего ноздри после непрерывной бешеной скачки, и так же стремительно, вихрем понеслась в обратную сторону.

В только что поставленной главной юрте Сюиндика и Аксырги на вечерний чай уже собрались все от мала до велика, когда Мырзатай встретил на краю стоянки подъехавшую Батиму, невольно залюбовавшись ею.

Батима была одета специально для верховой езды: белый шелковый платок, закрывающий уши, надвинут на лоб, а легкий присборенный чапан с коротким подолом подпоясан тонким кожаным ремнем, украшенным зеленым бархатом и серебром. Глаза девушки блестели, и Мырзатай понял, что она получила особенное удовольствие от этой скачки на коне, темно-гнедые бока которого стали еще темнее от выступившего пота.

– Вот это да, Батестай!.. Да ты совсем загнала своего любимца гнедого, а? Прикрою-ка я его попойой и отведу выстояться до утра. А ты ступай домой!

...В первую ночь на новом летнем становище Батима никак не могла уснуть. Стоило ей прикрыть глаза, как она будто оказывалась в неизведанном мире, между сном и явью. Бесчисленные огни этого непостижимого мира сверкали со всех сторон, ослепляя разноцветием. В какой-то миг накатившая многоцветная волна подхватила её, и душа, затрепетав от непонятого пронзительного чувства, устремилась в необъятную высь. Охваченная ярким светом, Батима уже едва касалась земли ногами, руки её превратились в крылья, она взлетела и долго-долго парила, пока не вернулась на землю... Наконец девушка очнулась в изнеможении от повторявшихся раз за разом видений, вздрагивая от выступившего на спине холодного пота. Она не была больна, но чувствовала себя сильно измотанной. Заснула Батима только под утро...

В предрассветный час ей привиделся удивительный сон. Женщина почтенного возраста, голову которой покрывал большой белый платок – жаулык, гладила теплой ладонью её лоб, и глаза незнакомки излучали свет такой всеобъемлющей доброты, что сердце Батимы охватила сладкая истома. Она приоткрыла глаза и подняла руку, желая удержать хоть на миг эти заботливые ладони, но ощутила лишь легкое дуновение, словно её коснулось крохотное нежное облачко. «Доченька, айналайын! Тебе дано особое дарование,

береги его! Отныне страждущие будут находить у тебя исцеленье. Из священного мира твоего знатного предка Табыная я пришла к тебе с посланием, и, когда провела ладонью по твоему лбу, ты получила в дар это особое умение... А теперь спи безмятежно, светик мой! Всю давившую твое тело тяжесть, всю усталость я сниму рукой. С утренним светом ты встанешь полной сил!» – сказав это, женщина исчезла.

Батима будто приподнялась осторожно на цыпочки, боясь рассеять белое облако, легшее возле её ног, и вдруг взлетела... Долго ли она летала, она не могла бы сказать, но в какой-то момент её ноги коснулись земли, и она проснулась. Проснулась с ощущением бодрости и, едва открыв глаза, посмотрела на свои руки. То место на ладони, где во сне её легко коснулось облачко, теперь горело...

Это загадочное видение, предзнаменовавшее проявление целительских способностей, пришло к совсем юной Батиме во сне в первую ночевку на новом становище. И после на протяжении всей её юности никогда уже: ни днем, ни ночью, ни ранним утром, ни в вечерние часы – особое обжигающее волнение не покидало её. Бывало, она прикладывала горячие от внутреннего жара ладони к голове невестки, мучавшейся мигренью, или давно болевшего аульного пастуха, – и боль их утихала, а её сердце начинало биться чаще.

Мать списывала эту особенность Батимы на переходный возраст и не придавала ей значения. А Сюиндик, изредка видя её уникальные способности, по-отцовски считал их лишь неуместным проявлением капризного характера избалованной дочери.

...Тем летом аул Сюиндика несколько раз перемещался с места на место в поисках наиболее богатых пастбищ, двигаясь вверх по берегу реки Жем¹. Сочное разнотравье подножия массива Муналжар, земли его предков, стало, наконец, лучшим джайлау для многочисленных табунов Сюиндика, здесь он и остановился.

В то время калмыки с завидным постоянством совершали набеги на территории вдоль русла реки Жем, переходили на эту сторону Едила² и угоняли у казахов лошадей целыми табунами. Главной целью набегов была добыча выносливых адайских скакунов, необходимых калмыкам в их нескончаемых военных походах.

Батыр Алтай из рода ак-кете и Карак-батыр из рода мангытов объединили свои силы, чтобы защитить от проникновений калмыков земли, расположенные по берегам Жема, и привели тысячное войско в местность, где стоял аул Сюиндика.

Мырзатай, у которого едва пробивался пушок над верхней губой, собрал отряд таких же молодых вооруженных джигитов из стоявших поблизости адайских аулов и намеревался объединиться с воинами двух батыров. В те дни, когда Мырзатай занимался недалеко от аула подготовкой лошадей, подбором луков и копий, снаряжением джигитов в поход, рядом с ним находилась и Батима, одетая в легкую походную одежду, какую обычно носили юноши. Брат не отказывал ей в участии в этом деле, и не только потому, что ей нравилось стрелять из лука. Он хорошо знал характер сестренки: своенравная и настойчивая, она всегда добивалась своего.

Сюиндик, горячо и трепетно любивший дочь, тоже ничего не мог поделать с её упрямством. И всё же строго предупредил: если вдруг торгауты будут

¹ Жем – Эмба.

² Едиль – Волга.

угрожать их границам, сражаться с ними он её не отпустит. Однако, повторяя отеческий наказ, втайне он не без гордости любовался её смелостью, ловя себя на мысли: «Эх, жаль, что рождена ты девочкой, иначе стала бы столь же прославленным воином, как твои отважные предки».

...Как только стала ощущаться пронизывающая осенняя сырость, воды реки Жем покрылись тонкой коркой льда, а дни стали пасмурными и холодными, аул Сюиндика вместе с его табунами двинулся к восточному подножию Устюрта.

Калмыцкие отряды по-прежнему время от времени совершали разрушительные набеги. Объединенное войско под предводительством батыров Шотана из адайцев, Алтая из рода ак-кете и каракалпака-мангыта Карака наконец дали отпор врагу, и калмыки, не выдержав натиска, разбежались небольшими группами, но, не перейдя еще на другой берег реки, громили адайские аулы, попадавшие им на пути.

Воины Мырзатая не оставались в бездействии, да только обескровленные враги, как озлобленные хищники, продолжали отыгрываться на мирных жителях. В один из таких дней отголоски жестокой неразберихи достигли и окраин аула Сюиндика: отчаянный крик караульного из отряда Мырзатая посеял панику среди аулчан, которые мирно готовились к перекочевке на зимовку. Сюиндик с десятком верных ему джигитов быстро двинулся навстречу врагу, а следом за ними вскочила на своего гнедого и Батима.

Торгауты спускались по склону длинного хребта. Вражеская группа в тридцать-сорок человек двигалась уверенно, не оглядываясь по сторонам. Понимая, что сейчас их силы не равны, Сюиндик остановил своих джигитов на холме и стал дожидаться Мырзатая с его отрядом, мчавшегося к ним во весь опор в клубах пыли. И в это время вдали со стороны аула показался одинокий всадник.

– Кто это там, а? Ну-ка, посмотрите внимательнее! Не гонец ли с вестями из аула?

Сюиндик натянул поводья саврасого жеребца, беспокойно бившего копытом и то и дело закусывающего удила. Светлое лицо его вмиг побледнело, он встревожился не на шутку.

– Как торопится-то, ты посмотри!..

– Эй, так это же наша Бопай! Узнаю её гнедого! – крикнул кто-то из джигитов.

– Бопай!

– Бопай, говоришь?.. Эх, ты погляди-ка на неё!

Одетая как юноша, с луком на плече и коротким заостренным четырехгранным копьем с бахромой под правым коленом Бопай объехала всех по кругу и остановилась прямо перед отцом.

– Отец! Не ругайте меня! – заговорила она, и на белоснежном лице её заиграл румянец. – Простите и не сердитесь! Пусть вы и не одобрите мой поступок, но я здесь, чтобы сразиться с недругом, посягающим на наши земли. И назад уже не вернусь!

– Раз так, тогда встань в строй! – кинул на неё гневный взгляд исподлобья Сюиндик и указал на джигитов сложенной камчой, зажатой в руке: – Все они – бесстрашные воины! И в схватке с врагом не смей укрываться за ними!..

– Я здесь не за тем, чтобы прятаться, отец! Клянусь – так и будет!..

И в том, как Бопай, гордо подняв голову, стояла перед строем воинов, была видна её непоколебимая решимость и смелость.

– О Аллах! Да эта девушка и впрямь вся в род табынаев! Сама смелость!..

– О-ох! Не смотри, что девушка, отчаянная какая!

– Нечего сказать!.. Прямо рвется в бой!

Джигиты удивлялись и одновременно восхищались крепким, волевым характером девушки, не оробевшей перед отцом.

Не задерживаясь более, отряд Сюиндика понесся туда, где они должны были сойтись в поединке с калмыками.

Должно быть, торгоуты, всё еще рыскавшие по округе в поисках поживы, услышали стремительно приближающийся к ним топот многочисленных копыт и разбились на две группы, чтобы обойти и раздробить строй преследователей. Двигавшиеся бок о бок отец и сын быстро раскусили эту хитрость, и их отряды продолжили идти в прежнем порядке. Метких лучников направили на фланги, копейщики сгруппировались в центре, освободив место для внезапной атаки справа и слева. Бопай, которая вместе с воинами Мырзатая всё лето провела в тренировках стрельбе из лука, присоединилась к лучникам.

С быстротой молнии летевшие одна за другой стрелы быстро привели торгоутов в чувство, заставив их заволноваться. Лучники не прекращали обстрел, пока враг был в пределах досягаемости и пока колчаны не опустели наполовину. Возбужденная погоней и стрельбой, Бопай совсем забыла о страхе и беспрепятственно пускала стрелы. Четырехгранные заостренные стрелы, способные распороть даже защитный панцирь на груди, если и не поражали торгоутов намертво, то серьезно ранили и выбивали из строя.

Мырзатай и на поле сражения ни на миг не упускал из виду Бопай. Незаметно для неё он выстроил вокруг сестренки своих лучших телохранителей. Быть может, это, а может, дух предка Табыная оберегал её, но ни одна вражеская стрела не долетела до Бопай, которая всё продолжала бой и без усталости стреляла в сторону торгоутов.

В какой-то момент Бопай заметила калмыка в лисьем малахае, в самый разгар битвы отделившегося от своего отряда и обратившегося в бегство, и тут же выхватила стрелу из колчана. Упершись в стремя подковами сапог, сшитых из тонкой кожи, она с силой натянула тугую тетиву лука с закрученными, как рога барана, концами, и, приложив стрелу со срезанным наискосок острым кончиком, прицелилась в затылок беглеца. Выпущенная со свистом стрела попала не в голову, а поразила трусливого неприятеля в спину. Мчавшийся во весь опор торгоут упал с лошади навзничь, его малахай слетел с головы и покатился в сторону. Заметив, что сразила вражеского воина, Бопай было потянулась за следующей стрелой, но тут же резко отдернула руку. Все её тело охватила резкая дрожь. Испуганно оглядевшись, она взглянула на дрожавшую руку. Ей показалось, что с кончиков её пальцев сочится темно-багровая кровь. Осознание личной причастности к гибели человека, ощущение всего ужаса содеянного захлестнули её душу внезапной болью... Но уже в следующее мгновение Бопай, не дав минутной слабости сломить силу духа, упрямо стиснула зубы, украдкой смахнула краем рукава подкатившую слезу и вернулась в бой.

Юное сердце девушки, впервые столкнувшейся с жестокой реальностью отчаянной битвы, дрогнуло от неизбежности страшных последствий кровавой схватки. Бопай не могла избавиться от жуткой, пугающей картины: пораженный её стрелой воин торгоут валится на землю... И ей казалось, что сами склоны Муналжар теперь стонут и плачут...

С небольшими потерями отряд Сюиндика вышел победителем из этой битвы, в которой погибло более половины калмыков. С десятков вражеских воинов были взяты в плен.

* * *

Закованные в кандалы пленные калмыки были заперты на краю аула за плетеной из ивовых прутьев высокой изгородью. Раненные или покалеченные в схватке вражеские воины стонали, и это не давало Бопай покоя на протяжении всего дня. Не в силах более слышать голоса страдальцев, она, с намерением хоть немного облегчить их боль, направилась к караульным, которые стерегли пленников.

– Думаешь, эти злодеи оценят твоё сочувствие и примут твою помощь? – один из воинов в годах попытался вразумить Бопай. – Это ведь беспощадные калмыки, которые никого не пожалеют, стоит попасться им в руки...

– Какими бы жестокими и какими бы врагами они ни были, сейчас они беспомощны, и потом, агатай, какие же тогда мы с вами люди, коли не окажем помощь этим несчастным!..

Сначала Бопай подошла к молодому калмыку, который повредил бедро, упав с коня, и теперь не мог двигаться. Она присела рядом с ним и провела горячими ладонями по месту ушиба, потом правой рукой ловко вправила выскочившую из сустава кость. Юноша завопил было во весь голос, словно из него душу вытрясают, но, почувствовав облегчение, успокоился и притих.

Пленные глядели с испугом на невестку откуда взявшуюся Бопай с её целительскими способностями и неожиданным проявлением заботы и, не зная, верить ли происходящему, следили за ней, затаив дыхание.

Второму раненому она вправила сломанную берцовую кость. Взяв у невестки, жены Мырзатая, чистые повязки, она перевязала раны и касанием ладоней успокоила боль тем, у кого были раны на лбу или затылке.

Помогая обессиленным пленникам, Бопай и сама почувствовала облегчение, словно тяжелый груз упал с её плеч. В какой-то миг она даже будто избавилась от ужаса, охватившего её во время битвы с калмыками.

Сюиндику такая доброта Бопай не очень понравилась, но он не стал выказывать недовольства, расценив милосердие дочери к беспомощным врагам и её заботу о страждущих как исполнение воли Аллаха.

* * *

В первые теплые дни марта равнина, простиравшаяся до песков Сам в северной части Устюрта, наполнилась свежим ароматом молодой зеленой травы. Ясные дни наступившей весны становились всё длиннее на радость уставшим от холодов жителям аула Сюиндика. Скот, оказавшийся на весеннем пастбище, оглашал всю округу бляением, повсюду у животных появлялся приплод. Суровость зимы сменило солнечное тепло. В этот период у подножия Устюрта собирались стада горных коз с молодняком...

Небольшая группа любителей соколиной охоты под предводительством Жанибека, джигита из аула торе среднего достатка, искала добычу на склонах Устюрта. Молодой султан, отделившись от остальных, направил своего серого в яблоках коня к западному уклону и внезапно наткнулся на беззаботно пасущееся стадо диких козлов и баранов. Заметив его, таутеке – горный козел с огромными и необычайно красивыми рогами, стоявший начеку чуть в стороне от остальных, тут же развернулся и помчался прочь. Султан, у которого из оружия были только лук да нагайка, мгновенно выхватил стрелу из колчана и прицелился, однако козел оказался быстрее. Охотник отпустил поводья и бросился вдогонку.

Таутеке, не в первый раз уходящий от преследования, стал вихлять из стороны в сторону, резко меняя направление. Разгоряченный погоней конь-

пятилетка мчался, не сбавляя хода, а когда султан стал натягивать поводья, чтобы повернуть его, он резко дернулся – и всадник вылетел из седла. Конь не почувствовал, что потерял седока и еще какое-то время всё так же скакал, удалившись на порядочное расстояние, а горный козел неспешно пошел своей дорогой.

Молодого султана, разбившегося о камни Устюрта, случайно обнаружил Мырзатай, который выехал осмотреть места под летние пастбища.

К тому времени конь охотника, цепляясь передней левой ногой за свисавшие поводья, уже вернулся к лежавшему на земле хозяину и теперь стоял над ним, фыркая и прядая ушами. Едва разлепив побледневшие губы, джигит смог сказать только, что имя его – Абулхаир и что он из аула торе с восточной окраины Устюрта.

Мырзатаю нужно было срочно везти пострадавшего в аул. Для начала он дал ему сделать несколько глотков прохладного кумыса, что возил с собой в маленьком коржуне, притороченном к седлу. Затем осторожно поднял джигита, не уступавшего телосложением ему самому, устроил в седле перед собой и направился домой, ведя его верного коня в поводу.

К вечеру, расположив Абулхаира у себя, Мырзатай отправил жену за кем-то в отцовский дом. Страдающий от боли в каждой частице тела юноша едва обратил на это внимание... Вероятно, так и случаются судьбоносные встречи: спустя недолгое время он увидел прекрасные глаза этой «кого-то» и с той минуты был навсегда околдован ими. Обладавшая нежной красотой и хрупкостью сестренка Мырзатая ласково проводила теплыми ладонями по ушибленным местам и одну за другой ставила на место сломанные кости и вывихнутые суставы покалеченного охотника.

От сильной боли сжав кулаки и стиснув челюсти, джигит тем не менее не отрывал горящего взгляда от целительницы, вызывая этим её смущение. И хотя юная красавица очень сочувствовала израненному охотнику, в её глазах невольно заиграла улыбка...

Влажный блеск в глазах девушки, нежность её светлого лица заставили трепетать султана, проявлявшего невероятное терпение. В груди его защемило, тело охватила дрожь... Наконец успокаивающее тепло её мягких рук растеклось по всему его телу, и он погрузился в блаженную негу. Абулхаир прикрыл глаза, ему казалось, будто то свежий весенний ветер ласкает своим дуновением его лицо...

Дверь приоткрылась, и в юрту осторожно вошла светлолицая молодая женщина – жена Мырзатая.

– Бопай! Бопайжан! – мягко заговорила она. – Кажется, в большом доме тебя ищут...

Невестка Акторгын называла свою золовку Батиму не иначе как Бопай – так её еще в раннем детстве прозвала бабушка, с умилением глядя на бегавшую вперевалку пухленькую крошку.

Султан услышал, что его спасительницу, эту юную чаровницу, зовут Бопай. «Бопай!.. Неужели это её настоящее имя?» – подумал он устало. Страдания от случайно полученных ранений понемногу угасали, боль утихала, и джигит погрузился в глубокий сон. Он и не услышал, как Бопай потихоньку встала и вышла.

...Уже почти месяц Абулхаир находился в ауле Сюиндика, в доме Мырзатая, постепенно излечиваясь от увечий, полученных при падении. И с каждым днем, с каждой минутой становилась крепче поселившаяся в его душе светлая радость, и овладевшее сердцем страстное чувство не давало ему покоя.

За это время Бопай, любимица семейства Сюиндик, с её пылкой натурой, стала особенно близка ему. Сострадание ли, симпатия ли притягивали девушку, но её посещения и расспросы о самочувствии становились для Абулхаира всё более желанными, а её присутствие удивительным образом воздействовало на него, и он сам не заметил, как новое чувство всецело завладело им.

Акторгын присматривала за каждым шагом Бопай, частенько теперь заглядывающей в юрту Мырзатая, и ясно видела, что юная сестренка мужа влюблена – именно это так изменило её поведение. Невестка знала и о том, что в главной юрте не одобряют этих посещений молодого мужчины из чужого аула, пусть и под предлогом лечения. Но запретить баловнице Бопай приходиться к ним Акторгын, конечно, не смела. Она лишь строго следила, чтобы молодые не остались наедине. А Бопай продолжала приходиться к Абулхаиру до его полного выздоровления. Свои чувства, родившиеся из сострадания и переросшие в нечто более глубокое, свое чистое и искреннее волнение целительница передавала безмолвно, только движением рук во время лечения. Акторгын оставалась лишь скрывать посвященность в их прекрасную тайну о чувствах, которые они выражали друг другу без слов, но так страстно и трепетно...

«Ты словно луч солнца, дающий жизнь, и я с нетерпением жду тебя каждую минуту, целительница моя ясноокая!» – так с внутренним волнением думал Абулхаир. Чувства переполняли его, но как их выразить – он не знал... В конце концов, когда однажды они остались наедине, он решился и рискнул признаться ей. Едва услышав его признания, Бопай вспыхнула от смущения, заставив и султана смутиться.

– Бопайжан, целебной теплотой своих рук приворожила ты меня! Знаешь ли ты, что, избавив меня от мук и ран телесных, ты разожгла в моем сердце негасимый огонь совсем иных мук?! Выздоровев, я вынужден попроситься с тобой... И если бы ты знала, как же мне тяжело от этого! За это время ты стала для меня единственной и бесценной, самой близкой моему сердцу. И в том, что моя болезнь привела меня к тебе, наверное, есть могущество Всевышнего...

Строгая невестка чутко следила за каждым их движением, видела каждый брошенный взгляд, внимала каждому безмолвному разговору, но когда она на миг оставила их наедине, Абулхаир успел рассказать о своем светлом и чистом чувстве, а совсем юная красавица Бопай слушала его, слегка покраснев, и отвечала лишь лучезарной улыбкой. Однако трогательное молчание красноречивее любых слов поведало тайну сердца девушки, отчего страсть джигита разгорелась с новой силой. Он с замиранием сердца погружался в бездонные глаза Бопай, и его душа полностью отдалась во власть волнующего чувства.

В день своего отъезда из аула Сюиндика, улучив всего миг наедине, Абулхаир коснулся чуть дрожавшей горячей руки Бопай.

– Сама судьба свела наши пути! Я буду ждать с нетерпением той минуты, когда смогу вернуться к тебе, Бопайжан! – только и успел сказать влюбленный султан.

Зардевшейся Бопай казалось, что сердце её вот-вот выскочит из груди. «И я благодарна судьбе, что повстречала вас, дорогой мой! Теперь мне не забыть ваших слов... Я лечила вас, но в тепло рук вкладывала чуть больше, чем утешение вашей боли, и притянула к себе... И сама себя убедила, что встреча наша – это воля Аллаха. И зная теперь, что рождена для вас, я готова ждать сколько угодно. Знайте об этом и отправляйтесь в путь. Я буду ждать вашего возвращения и буду скучать...» Бопай не могла сказать этого вслух и дала знать о своих чувствах лишь взглядом, тайным языком сердца. Понимавшие друг друга

без слов и слышавшие друг друга сердцами, в большем они и не нуждались. Так же безмолвно они обняли друг друга и так же безмолвно попрощались...

Прибывшие за Абулхаиром джигиты уже подготовили к дороге его серого в яблоках коня, довольно ожиревшего за этот месяц пребывания у Мырзатая. Султан, выйдя из дома, быстро вскочил в седло и тронулся в путь, не оборачиваясь: с каким-то суеверным чувством он подумал, что если оглянется в сторону ставшего ему родным дома, где осталась его возлюбленная Бопай, он может не вернуться назад...

Абулхаир пустил коня рысью, не подгоняя его камчой, и чем больше он отдалялся от аула Сюиндика, тем сильнее становилась тоска по той единственной, чей чистый образ завладел всем его сознанием, всей душой. Аул адайцев, где жила его милая Бопай, по мере удаления тянул назад, словно брошенный на коня аркан. Сил ему придавала только вера в то, что скоро он вернется туда...

* * *

Этим летом дожди были редкие и скудные, потому степь не баловала кочевников обилием травостоя. До июня весенние запасы влаги еще поддерживали растительность, а теперь даже худосочные серовато-зеленые полынь, изень, пырей и ковыль пожухли и пожелтели. В середине лета, когда на ночном небе засверкали Плеяды¹, Сюиндик, как старшина аула, перевел всех к более полноводному низовью реки Жем. Но и здесь холмы, когда-то покрытые сочной зеленью, теперь были сухими, и истощенные от нехватки травы табуны паслись лишь по оврагам и вдоль проток. Озабоченный пропитанием лошадей Сюиндик всё лето менял направление перекочевки.

Мырзатай в эти дни практически не слезал с коня и вместе с другими джигитами неделями сопровождал табуны, выпасавшиеся вдали от аула, а со своими виделся лишь изредка. Бопай иногда помогала отцу, отправляясь в разведку по округе, но больше находилась в юрте брата, чтобы не оставлять в одиночестве свою невестку Акторгын, ожидавшую появления ребенка.

Беспорывно кочуя с места на место и перегоняя уныло тянувшиеся друг за другом табуны, Сюиндик сам искал лучшие места для выпаса. Кроме того, приходилось день и ночь караулить лошадей. Мало было засухи, так еще и торгауты то и дело совершали дерзкие набеги на аулы адайцев, да и баранта со стороны некоторых соседствующих родов не была редкостью.

С Сюиндиком ездили обычно три-четыре джигита, а иногда он привлекал к общему делу и Бопай. Чтобы быть готовой в любую минуту выехать в степь, она держала рядом с домом стреноженного игреневого трехлетнего жеребца, объезженного прошлой осенью и отличавшегося выносливостью и спокойным нравом.

...Едав забрезжил рассвет, как Бопай пробудилась от щебетанья жаворонка, и потом, как ни пыталась, снова заснуть ей не удалось. На краю аула беспрестанно лаял какой-то пес. Где-то протяжно ревел верблюжонок. Потянуло запахом тлеющего кизяка, брошенного в очаг. Все живое в ауле пробуждалось, начинался новый день.

¹ По положению созвездия Плеяд в народной астрономии казахов определяли время года. В казахском языке существует ряд устойчивых выражений, связанных с Плеядами. Например, «Үркер жерде» – «Плеяды под землей» описывает период в 40 дней, с 10 мая по 20 июня, когда это созвездие не видно на ночном небе. К середине лета Плеяды уже хорошо видны.

Располневшая от беременности, отяжелевшая Акторгын медленно направилась к выходу, придерживая впереди обеими руками накинутый на плечи удлиненный бешмет из тонкой ткани.

В это время молодая женщина, прислуживающая в доме Мырзатая, быстро-быстро перебирая ногами, подошла от неприметной темно-серой юрты к большой юрте хозяев и, как обычно, принялась развязывать веревку тундика, закрывавшего ночью отверстие на макушке юрты.

В открытом наполовину шаныраке засветилась мягкая синева утреннего неба. Белобокие облака проплывали медленно одно за другим. Бопай залюбовалась красотой невесомых небесных кочевников, нежась, как в лучах солнца, в дыхании ласкового ветерка. Вдруг вспомнив о выезде на пастбище, она быстро вскочила с постели и выбежала из юрты. Неподалеку от дома послышалось фыркание стреноженного жеребца, стоявшего в густо заросшей чием ложбине. Аул, казалось, был в эти минуты объят прозрачным эфиром утренней тишины.

...В предполуденное время три всадника во главе с Бопай отправились в путь к югу от аула Сюиндика. Отъехав на некоторое расстояние, они разделились, оставаясь, однако, в пределах видимости, и принялись внимательно осматривать округу.

Вокруг стояла звенящая тишина. Сквозь туманное марево голубовато-дымчатые холмы вдали казались рекой, протекавшей по одной стороне бескрайней степи. Бопай пустила жеребца рысью и направила его на верхушку небольшой возвышенности, где и остановилась. И дышащее зноем небо, и пожелтевшая пыльная степь были одинаково измучены долгой засухой и одинаково жаждали хоть капли влаги. Невидящим взглядом Бопай скользила вокруг, не видя ничего, кроме ряби волн призрачной реки у горизонта. «Где же, в какой стороне этой бескрайней степи ходит тот, кто так пленил меня?» – думала Бопай. Ей вспомнились прощальные и такие теплые слова молодого султана: «Я буду ждать с нетерпением той минуты, когда смогу вернуться к тебе, Бопайжан!» Сердце её заняло от грусти и тоски. И это её тоскливое чувство в тот миг будто зазвучало в унисон с истомившейся степью, игравшей вдали миражами.

На протяжении уже многих дней, оставаясь одна, Бопай оказывалась во власти сладостного томления, мечтаний, рожденных влюбленностью, и тщательно скрывала эти тайные волнения души от чужих глаз...

Осмотрев за светлое время дня довольно обширную местность, обойдя все пригорки, овраги и ложбины, ближе к закату разведчики встретились и отправились обратно в аул. И когда солнце уже почти утонуло за линией горизонта, черная кучевая туча, появившаяся словно ниоткуда, накрыла тенью только-только зарумянившееся вечернее зарево. Постепенно сумеречное небо полностью зарумянилось дождевыми тучами, и со всех сторон одна за другой засверкали яркие вспышки молнии. Небо словно раскалывалось надвое от раскатов грома, а молнии продолжали ежесекундно вспыхивать синими росчерками, озаряя своим светом все уголки темного неба.

Несмелые первые крупные капли быстро превратились в проливной дождь, а потом вода стала падать на землю стеной, и весь мир оказался во власти бушующей стихии.

Промокшая до нитки, дрожащая от холода Бопай с трудом добралась до дома.

– О Аллах всемогущий! Напои измученную степь обильным потоком, исполни желания людей, будь милостив и щедр! – взмолился прослезившийся Сюиндик. – Иншалла, альямдулаллах!..

– Казахи идут!.. – его громкий крик разнесся эхом по лесу. – Братья, Абулхаир едет со своими воинами!..

Это известие заметно воодушевило башкирцев. Сам Алдарбай-тархан, крупный и подвижный мужчина, горячо приветствовал статного, пышущего энергией молодого казахского султана и крепко обнял его.

– Достопочтенный Алдарбай-ага, как только получили от вас известие, сразу же собрались на помощь к вам. И вот мы здесь, – искренне и с большим уважением ответил Абулхаир на приветствие тархана.

– Не так давно я, возглавляя большое башкирское войско, снискал себе славу в походах русского царя против Крыма и турецкого Азова. Теперь же вынужден защищать свой народ от безрассудного самоуправства, притеснения и унижений русских властей. Я безмерно благодарен за то, что вы не бросили нас в трудную минуту! – сказал Алдарбай-тархан, наклоном головы выразив признательность молодому султану.

...Вскоре сначала уфимский, а затем и казанские отряды были разбиты. Башкирцы, настроенные продолжать борьбу, воспрянули духом. Для представителей русской власти и поддерживавших их башкирских наместников сопротивление, казалось бы, полностью подчинившихся царю башкирцев стало неожиданностью. Еще меньше могли они ожидать, что Алдарбай-тархан обратится за помощью к соседям-кайсакам, и теперь вынуждены были ослабить напор, чтобы не довести столкновения до неуправляемого кровопролития.

Сражаясь рядом с тарханом, а иногда самостоятельно, Абулхаир-султан действовал решительно и достойно отражал кровавые, безжалостные атаки русских карателей, выставленных против восставших. Прошло не так много времени, а его уже считали настоящим башкирским героем.

Алдарбай-тархан, достигший к тому времени почтенного возраста, был особенно расположен к молодому султану, наследнику рода чингизидов, обладавшему способностью вести за собой народ. «Вот истинный потомок своих знатных предков, достойный ханского трона! Года не прошло, как он с нами, а русские вынуждены остановиться!» – думал он, и однажды даже завел с Абулхаиром разговор о своих надеждах на его счет. Да только, к его сожалению, Абулхаир не дал ему желанного ответа. Молодой султан был озабочен судьбой своего народа, которому угрожали торгауты со стороны Едила и Жайыка¹.

– Алдарбай-ага, я понял ваши чаяния и вижу ваши добрые намерения. И искренне благодарен вам! Но, похоже, и нам стоит опасаться северного соседа, который зажал вас в тиски. И джунгары нападают с востока и юга. Сейчас никак нельзя мне бросить родную землю и родной народ на произвол судьбы. Но если вдруг вы опять окажетесь в сложном положении из-за давления русской власти или внутренних проблем, помните, что казахи, родственный вам народ, готовы протянуть руку помощи! Стоит только отправить нам весточку в нужный час...

За такую откровенность Алдарбай-тархан был только признателен Абулхаиру.

– Абулхаир, твои слова – слова настоящего мужчины и патриота! Порадовал ты меня. Ты – достойный сын своего народа, думающий и беспокоящийся о его благе. Да поможет тебе Аллах! Если случится, что вам понадобится поддержка, то и башкирский народ не останется в стороне. Ведь судьбы наших народов схожи, и земли граничат. Пусть путь твой будет счастливым, жолбарс мой, Абулхаир!..

¹ Жайык – река Урал.

Ни почести на земле естекоев – башкирцев, ни заманчивая жизнь при Алдарбай-тархане, полная достатка и уважения, не могли заставить Абулхаира забыть об оставшейся так далеко Батиме, о его Бопайжан. Воспоминания о ней и согревали его душу, и рождали томительную тоску. И чем ближе было время возвращения на родину, тем сильнее рвался он к своей единственной.

Почти два года Абулхаир не слышал ничего о Бопай, и его терзали тревожные мысли. В те дни в доме Мырзатая, когда его, израненного и слабого, выхаживали и лечили, Акторгын не спускала глаз со своей золовки Бопай и настороженно и даже холодно смотрела на него самого. Вспоминая об этом, он переживал всё больше.

Страдающий от тоски и тревоги Абулхаир еще оставался на башкирской земле, когда получил известие из Туркестана о том, что кровные враги казахов – джунгары снова угрожают нашествием с востока. Получив благословение Алдарбай-тархана, султан повел свое войско в родные края.

* * *

Спешно вернувшись с башкирской земли, султан и теперь не смог отправиться напрямик к своей Бопай. В Каракумах, к северу от Арала, на курултай собирались главы родов трех жузов, батыры, бии, старшины, – туда же прибыл и Абулхаир.

Съехавшаяся со всех концов степи знать держала совет о том, как, объединившись, отразить нависшую угрозу – джунгарское нашествие. И их надеждой был Абулхаир, о ком в народе уже шла молва как о достойном султанине из рода чингизидов, опытном полководце, не раз сражавшемся с нападавшими на территории Младшего жуза вдоль Жайыка русскими войсками и едильскими калмыками, а кроме того поддерживавшем естекоев в трудный час их сопротивления царским карателям.

Молодой султан вел происхождение от одной из ветвей потомков хана Джучи, и род его был очень скромного достатка. На этом курултае старейшины родов единогласно провозгласили Абулхаира ханом Младшего жуза. Также по решению старейшин главнокомандующим всего войска, состоящего из отдельных отрядов от каждого рода, стал Бокенбай из рода табынов, прославившийся своими подвигами в битвах Младшего жуза с калмыками. Славный батыр, принимая на себя большую ответственность, с гордостью произнес: «Будем биться до последней капли крови, ни на минуту не складывая оружия. Лучше погибнуть в бою, чем быть разбитыми и униженными врагом». Так каракумский курултай свел пути Абулхаира и Бокенбая, ставших друг другу верными соратниками и братьями по оружию.

...Скоро новость о том, что Абулхаир назван ханом и возвращается домой, дошла и до аула Сюиндика. Жена Мырзатая Акторгын специально пришла в главную юрту рода и, оказавшись наедине с Бопай, сказала ей с улыбкой:

– Слышала, хорошая моя, говорят, тот молодой султан, который покалечился на охоте и которого ты исцелила, возвращается к нам уже ханом. Наши люди во главе с братом твоим Мырзэке выехали в аул торе, поприветствовать нового хана...

Услышав имя Абулхаира, Бопай внезапно вспыхнула, но постаралась не выдать своего смятения невестке:

– Что ж, стал ханом, так пусть будет!..

Зная обычно прямодушный нрав Бопай, Акторгын ответила беззаботно:

– Бопайжан, да я же просто поделилась новостью, хорошая моя! – однако по зардевшемуся лицу золовки поняла её истинные чувства.

«Это она передо мной скрытничает, упрямица. А стоило упомянуть имя султана, как щеки загорелись... И как заволновалась-то, думает, я слепая и не вижу! Поглядим еще, что будет с тобой, когда вдруг однажды приедет твой султан! Теперь он при высоком титуле, если захочет – без всякого повода может заявиться. Тогда еще было ясно, что прикипел он к Бопай нашей, еле распрощался... По мне, так не оставит он её из-за того, что ханом стал. По глазам видно было, как он желает её, заметно было, что всерьез влюблен в нашу любимицу...» Невестка с улыбкой бросила взгляд на девушку, видя её волнение. Но тайну Бопай и Абулхаира по-прежнему никому не выдавала.

...Наконец, спустя два года с поры ранения и излечения, прошедших в круговороте событий, настал долгожданный момент для Абулхаир-султана, вернувшегося из Каракумов уже ханом¹. Разузнав о положении дел у Мырзатая, с которым успел сблизиться за время болезни, он поставил его в известность о своих намерениях, а уже к середине зимы к зимовке адайцев за Устюртом из аула торе направилась группа сватов...

...Безлюдная степь оправилась от зимних холодов, и с наступлением апреля адайцы перекочевали на джайлау к юго-западу от Жайыка, в низовья реки Жем. В один из солнечных весенних дней в ауле Сюиндика провозжали невесту – Бопай-Батиму. На большой той были приглашены сваты из аулов табынов. Приехало и множество родственников из рода алимов, дальняя родня. Радуюсь после зимы теплему солнцу, оставив свои тревоги, люди собрались на праздник в адайском ауле, чтобы беззаботно порадоваться за молодых.

Сюиндик, правда, и в канун свадьбы, и в эти дни сильно переживал о том, что не смог выдать дочь по отцовским традициям стороне, сосватавшей её раньше, до Абулхаира. Приехавшим за Бопай Абулхаир-хану, его верным спутникам – батырам Жанибеку и Бокенбаю, сватам – представителям ханского аула он оказал должный прием, как положено, по всем обычаям, и всё же некоторое напряжение не отпускало его. Это не ускользнуло от внимания сватов, но своего беспокойства они старались не выдавать.

Перед выездом сватов из главного дома Бокенбай, сидевший на почетном месте, оглядел всех по обеим сторонам от себя и заговорил торжественным тоном:

– Сюеке, ты уважаемый старший брат благородного рода, знающий и чтущий давние традиции, потому мы ждем твоего одобрения и согласия. Бопай твоя не в чужие руки попадает, а в аул торе. Отправляется в путь с молодым, но ставшим достойным главой своего народа Абулхаиром. Мы же – верные спутники хана, выбранного народом и поднятого на белой кошме. Столько раз уже вместе мы отправлялись в походы, закалялись в битвах с врагом, положившим глаз на наши земли и подступающим со всех сторон... И в дальнейшем мы не изменим своему правому делу. Вы – предводитель адайского народа, и нам всем известно, что вы ничего не пожалеете – и себя самого не пожалеете, – дабы не посрамить честь народа, родной земли и своих предков. И мы ждем, что вы дадите свое благословение родной дочери! – завершив так свою речь, Бокенбай слегка кивнул и вопросительно посмотрел на задумчивое лицо Сюиндика.

Сюиндик не пропустил ни единого слова Бокенбая, говорившего взвешенно и по существу. Он понял, что батыр, заметив его настроение, обраща-

¹ Султан – ненаследственное звание знати в Казахском ханстве. Султаны избирались из числа торе. Из среды султанов выбирали хана.

ется к нему таким образом, желая выяснить истинную причину прохладной встречи. Но не спешил с ответом.

Наконец, окинув взглядом всех гостей и выдержав паузу, Сюиндик повернулся к Бокенбаю:

– Эх, Бокенбай, ты ведь и сам хорошо знаешь о порядке вещей. Если бы я не одобрял всего этого, разве принял бы я вас? Стали бы мы тогда проявлять уважение и оказывать почести вам, приехавшим за невестой?

Вероятно, из-за волнения светлое лицо Сюиндика порозовело, а линии морщинок на его широком лбу то собирались, то разглаживались.

Бокенбай в знак принятия сказанного приложил правую руку к груди и склонил голову.

– Как я могу воспротивиться желанию дочери, которую я люблю и которую растил так же, как сына?! И если она хочет прожить рука об руку с этим человеком, несущим груз забот о родной земле, готовым бороться за чаяния своего народа, значит, это её решение, её выбор. Отпускаю её из родного дома, где росла она свободной, и даю свое отцовское благословение! Если вы хотели узнать мои мысли, то вот они!..

– Вот это слова!.. Замечательно сказано!.. Сюеке, огромное спасибо за веское слово!..

Бокенбай почувствовал облегчение и не скрывал своей признательности Сюиндику. И Сюиндик тоже расслабился и уже с большей теплотой и доброжелательностью обращался к сватам.

В аул торе Бопай выехала на рассвете следующего дня. Провожали её адайцы с песнями-причитаниями, как и положено в этот значимый день.

Теплые лучи апрельского солнца скользили над нежной весенней порослью, от которой поднимался аромат свежести, и Абулхаир с Бопай, сев на двух бело-сизых лошадей, украшенных перьями, направились к востоку, в сторону реки Иргиз, в сопровождении торжественной свиты.

В первые месяцы своего пребывания в ставке хана, в специально подготовленной для них большой юрте, Бопай с непривычки чувствовала себя как-то растерянно. Да и люди аула торе, казалось, следили за каждым её шагом внимательными, оценивающими взглядами. Вероятно, поэтому молодая жена так не хотела отпускать от себя Абулхаира. И когда он уезжал по важным делам, требующим его, как хана, личного вмешательства, она ждала его с нетерпением. Ко всему прочему, Бопай приходилось привыкать распоряжаться прислугой, приставленной к их дому для повседневной работы.

В один из долгих дней томительного ожидания и мучительного одиночества Бопай вдруг почувствовала в себе какие-то изменения. К вечеру она ощутила легкую дрожь, и где-то в области сердца и чуть ниже защемило внутри. Перед глазами все расплывалось, её подташнивало...

С этого времени на неё то и дело накатывала апатия. Светлое лицо её поблекло. Она потеряла аппетит, и даже от малейшего запаха еды её мучило. Она отказывалась от блюд, что ей предлагали, не могла есть привычной пищи, но всё чаще хотела чего-нибудь особенного. Находясь в каком-то полуморочном состоянии, Бопай старалась скрыть это от Абулхаира.

Необычное состояние дополняли странные сновидения, порой довольно мрачные. Бопай стала подолгу спать и ночью, и даже днем и всегда видела сны. Однажды под утро ей приснилось, будто идет она совсем одна по безмолвной безлюдной степи под абсолютно спокойным голубым небом.

Вокруг – ни души. Куда ведет узенькая тропинка – неизвестно, но она идет не останавливаясь, ни на минуту не задерживаясь, идет без передышки, будто невидимая сила толкает её вперед. Долго ли она шла, коротко, но вдруг перед ней возникла река с шумно плескающимися волнами. Что там, за большой рекой, в которую упиралась её дорога, тоже неясно. Куда теперь идти, если перед ней лишь глубокие воды? Она оглянулась назад. Оказалось, прямо за ней идет волк – огромный, свирепый, с вздыбленной на загривке шерстью. Встретившись с ней взглядом, матерый хищник неожиданно попятился и замер. В это же мгновение её страх рассеялся, и она, протянув руку зверю, позвала его, как обычно зовут собаку: «Кушим-кушим, волчонок мой маленький, иди ко мне!» Волк, точно понял её слова, потянулся к ней мордой и подошел совсем близко. И когда он стал ластиться и облизывать горячим языком её шею и лицо, воды бурной реки расступились, открыв перед ней широкую дорогу к другому берегу. А на том берегу – настоящий рай! Шелестят листьями пышные зеленые деревья, сады усыпаны спелыми плодами, звенит живительный родник с чистой водой! Бопай была удивлена и очарована этим видом, сердце её наполнила неземная радость. Она даже забыла о том, что совсем одна здесь. Этот прекраснейший мир принял её в свои объятия, лучи солнца приласкали мягким теплом, нежный ветерок легко целовал её лицо – и она погрузилась в волшебное спокойствие. Убаюканная мелодией удивительного места, Бопай блаженствовала. Время здесь текло медленно и незаметно... И вдруг она вспомнила о волке, который провел её сюда по открывшейся посреди реки дороге. Раздосадованная собственной забывчивостью, она огляделась кругом, но волк исчез бесследно. Сама не своя от тревоги бегала она по округе в поисках серого и наконец, донельзя опечаленная, заплакала. Сколько времени она провела в слезах, она не знала, но, устав от переживаний и немного успокоившись, Бопай услышала повизгивания волчонка. Совсем еще маленький зверек ковылял к ней, перебирая коротенькими лапками. Бопай взяла его на руки. В этот миг вдали показался волк, но тут же, оставив ей едва открывшего глаза волчонка, пропал из виду...

Бопай проснулась, слегка задыхаясь от переполнявшей её радости, и, всё еще под впечатлением от сна, снова закрыла глаза, утопая в своей перине. Она подумала, что река во сне – к добру: верно, сам пророк, покровитель воды Сулеймен оберегает её и поддерживает. А указавший ей путь волк и уместившийся в ладонях волчонок, по её разумению, были хорошим предзнаменованием добрых событий. На миловидном лице молодой жены хана, словно лучи утреннего солнца, засветилась теплая улыбка...

...Привыкший выезжать на охоту в начале зимы Абулхаир не изменил своей привычке и в нынешнем году. Была середина октября – пора, когда по утрам водоемы уже затягивались тонкой корочкой льда. Хан и сопровождавшие его охотники около десяти дней стояли лагерем на северной стороне Устюрта и вернулись в тот день в аул еще до наступления сумерек. К седлу Абулхаира была приторочена туша огромного волка с застывшим оскалом, вздыбленной шерстью и свисающим до земли хвостом. Прислужник хана отвязал добытую дичь и бросил перед чуланом у дома.

Набросив на плечи легкий и теплый чапан из верблюжьей шерсти, Бопай стояла у порога юрты, встречая Абулхаира. Увидев добычу, она вдруг явно ощутила вкус тушеного жаркого, приготовленного из сердца волка, и испытала невероятное удовольствие уже от самого предвкушения трапезы.

– Абеке, поверите ли, но прямо сейчас я бы съела жаркое из волчьего сердца!.. Честное слово, хочу куырдак и всё тут! Не знаю, отчего, но очень хочу волчьего мяса, обжаренного на нутряном жиру!..

Столь откровенное желание взволнованной Бопай удивило было Абулхаира, но он быстро понял, в чем тут дело.

– Вспори грудную клетку и вытащи сначала сердце! – велел он прислужнику. – И собери весь до капли внутренний жир!..

Бопай поглощала куырдак из волчьего сердца с большим аппетитом, наслаждаясь каждым кусочком. К концу трапезы у неё даже пот выступил на лбу. Не евшая в последние дни, утомленная плохим самочувствием Бопай наконец насытилась от души и почувствовала какое-то внутреннее облегчение.

В ту ночь она уснула в теплой постели умиротворенная и наполненная блаженным ощущением изменений, происходящих в её женской сущности. А спустя девять месяцев и девять дней после того, как было съедено волчье сердце, пройдя все стадии вынашивания новой жизни, Бопай родила. Роды были трудными, но боль и страдания забылись сразу же, как она услышала первый плач своего ребенка. Все чувства молодой матери отразились сейчас в её мягкой улыбке.

Мучительные схватки начались ранним утром знойного июля, и уже далеко за полдень Бопай держала в руках своего первенца – Нуралы. Прижав только что рожденного сына к груди, она испытывала глубочайшее, неповторимое материнское счастье...

Абулхаир, на третьем десятке лет занявший ханский престол, стал счастливым отцом малыша – наследника, жизненную силу которого дало волчье сердце.

...С тех пор утекло много воды. Время шло своим чередом. Нуралы повзрослел и стал молодым султаном в ханской ставке, помощником отца, который доверял ему серьезные дела.

P.S.

Роман Мади Айымбетова «Бопай ханум» в переводе на русский язык Даны Жантемировой вышел в издательстве «Фолиант» в 2023 году и распространяется в торговой сети «Меломан».

